

Синтаксические фразеологизмы в художественной прозе

© А. В. ВЕЛИЧКО,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются особенности функционирования синтаксических фразеологизмов в художественной речи.

Ключевые слова: синтаксические фразеологизмы, художественная речь, субъективная модальность, контактная функция.

Современная лингвистика, рассматривающая художественную речь как особую коммуникативную систему, выделяет в ней обслуживающие ее языковые средства. Одним из таких средств являются синтаксические фразеологизмы, или предложения фразеологизированной структуры типа: *Как же не волноваться! Вот так ситуация; Не плакать же теперь из-за завядшего цветка; Хоть уезжай опять в свою деревню; Ему теперь не до философских размышлений; Служба службой, а те-тушку забывать нехорошо* [1].

Такие предложения имеют особое предназначение в языке. Их семантика определяется как выражение значений субъективной мо-

дальности. Другими словами, они служат не для сообщения, а для *реакции* на сообщение, выражают отношение говорящего к его содержанию. В коммуникации они выполняют контактную (фатическую) функцию.

Эстетически-образная функция художественной литературы достигается через использование всех ее языковых средств в совокупности, и предложения фразеологизированной структуры включаются в этот арсенал образно-выразительных средств.

Синтаксические фразеологизмы встречаются в произведениях классики, в литературе двадцатого века и у современных писателей, что свидетельствует о том, что они представляют собой устоявшийся, органичный пласт русского языка. Особенно активно они используются в драматических произведениях, которые строятся на диалогах, где драматург обращается к разговорной речи, с ее характерными языковыми особенностями. Приведем примеры таких фразеологизмов: «Чем не бесподобная партия? Чем не капидон?» (Островский. Свои люди – сочтемся); «Где уж нам в молодые лезть» (Чехов. Иванов); «Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет» (Чехов. Дядя Ваня); «Ай да Алимпияда Самсоновна!»; «Как же мне не таскаться-то!» (Островский. Свои люди – сочтемся); «А селедочка-матушка всем закускам закуска!» (Чехов. Иванов); «Кто ж этого не знает! (...) от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей?» (Островский. Женидьба Бальзаминова).

В прозаическом произведении использование синтаксических фразеологизмов находится в прямой зависимости от функционально-смысловых типов речи – описания, повествования, рассуждения.

В авторском описании как функционально-смысловом типе речи синтаксические фразеологизмы не столь частотны, писатель обращается к ним, если стремится вызвать у читателя участливое, заинтересованное отношение к изображаемому или дать ему оценку. Так проявляется функция художественного произведения обеспечивать опосредованное общение писателя с читателем: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто в минуту гнева не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?» (Пушкин. Станционный смотритель).

Предложения фразеологизированной структуры как яркое средство устной разговорной речи наиболее широко представлены в речи литературных персонажей, в первую очередь, в репликах диалогов: «Не на коленях же мне перед тобой стоять!»; «Хоть не ходи в Малый театр»; «Хмельницкий – вот был сочинитель...»; «Что за бравада?» (Боборыкин. Китай-город); «Как не знать!» (Пушкин. Станционный смотритель).

тель); «Прямо хоть отменяй свадьбу»; «Мало ли кто тебе что сказал» (А. Маринина. Смерть ради смерти).

В драматическом произведении внутренний монолог персонажа оформляется иногда как «монолог наедине», «разговор с самим собой»: «Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой!» (Гоголь. Ревизор). В этой реплике Осипа о своем хозяине раскрываются подлинные черты Хлестакова, его образ жизни; самого Осипа автор показывает как достаточно умного, прозорливого, наблюдательного человека. Кроме того, просматривается и ироническое отношение самого рассказчика к главному герою.

В повествовании авторская речь нередко сочетается с речью персонажей или речь персонажа включается в авторскую речь, переплетаясь с нею, то есть в зависимости от пропорций встречается несобственно-прямая или несобственно-авторская речь: «Что за выходка?»; «Где же им тягаться с его приятелями и приятельницами вроде Нетовых и целого десятка таких же коммерсантов?»; «Что за вольность!»; «Где же им до нее?» (Боборыкин. Китай-город).

В несобственно-прямой речи синтаксические фразеологизмы являются одним из ярких показателей речи персонажа. К несобственно-прямой речи писатели прибегают, чтобы передавать невысказанные мысли персонажа о себе, о других, его отношение к происходящему, показать его манеру говорить. Через речь героя автор может раскрыть и свое отношение к тому или к иному персонажу: «*Да какое там серебро... Братья быстро привыкли спать в доме на соломе без простыней. Дорожки были не расчищены, слуги одеты неопрятно. Да что там слуги...*» (Басинский. Бегство из рая. Курсив здесь и далее наш. – А.В.).

Если повествователем является один из персонажей (он квалифицируется как рассказчик), в повествование может включаться его внутренний монолог, в котором он как бы смотрит на рассказываемые им события со стороны, размышляет о них, анализирует: «*Вот это любовь, – говорил я себе снова, сидя ночью перед своим письменным столом, – это страсть! Как, кажется, не возмутиться, как снести удар от какой бы то ни было!.. от самой милой руки!* А, видно, можно, если любишь» (Тургенев. Первая любовь).

Несобственно-прямая речь включает и авторскую речь. В описательном художественном тексте идентификация говорящего бывает сложна. В повести Л. Толстого «Детство» читаем: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! *Как не любить, не лелеять воспоминания о ней?* Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений... После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце, на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие. Но о чем они?». Кто здесь является «говорящим»? Чье отношение к воспоминаниям о детской поре отражает выделенный

синтаксический фразеологизм? Маленького героя, который является повествователем? Нет, очевидно, взрослого Толстого, автора повести, который, став взрослым, так оценивает детские воспоминания; об этом свидетельствует личное местоимение первого лица (*мою душу, служат для меня*). Но дальше «говорящим» (точнее, его аналогом) становится повествователь, и форма 2-го лица глагола (*завернешься в одеяльце*) означает и повторяемость, и обобщенность описываемых ощущений, и желание вызвать такие же ощущения у потенциального читателя. Таким образом, здесь можно говорить о полифонии голосов [2]: сливаются голоса Толстого-мальчика, Толстого взрослого и голос Толстого – автора повести. В отрывке «звучат» параллельно мысли Толстого-писателя и Толстого-повествователя (ребенка), и эти чувства направлены потенциальному читателю, у которого они должны найти отзыв.

Литература

1. *Величко А.В.* Синтаксические фразеологизмы в обиходном общении // *Русская речь*. 2014. № 5. С. 62–67.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.

МГУ им. М.В. Ломоносова